

Т. В. НЕУЙМИНА, Н. В. РОЖИНА

ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ ПРАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА У РЕЛИГИОЗНОЙ ГРУППЫ

Ввод в законодательство такой организационно-правовой формы религиозных объединений, как религиозная группа, лишенной прав юридического лица, для приобретения которых требуется предоставление подтверждения, выданного органами местного самоуправления, о её существовании на данной территории не менее 15-ти лет, неоднозначно воспринимается некоторыми правозащитниками. По их мнению, это нарушает права человека, провозглашенные в Конституции РФ и международно-правовых актах. В частности, Заключение о проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации Уполномоченного по правам человека в РФ указывается на противоречие проводимого в законе разграничения между религиозными организациями и религиозными группами, как Европейской конвенции, так и прецедентам органов Совета Европы, являющимся важным источником «европейского» права. В подготовленном Институтом религии и права совместно с Христианским юридическим центром более развернутом Экспертном заключении с юридической оценкой положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», противоречащих Конституции РФ отмечается незаконность установления для членов религиозной группы 15-и летнего срока, только по истечении которого они могут зарегистрировать своё объединение в качестве религиозной организации. По мнению авторов заключения, в ГК РФ отсутствуют какие-либо сроки для образования юридического лица, для чего достаточно волеизъявления учредителей, наличия у создаваемой организации всех признаков юридического лица (ст.48 ГК РФ) и её государственной регистрации. Данное же положение закона – по их мнению – неправомерно ограничивает правоспособность граждан в части реализации их права создавать юридические лица (ст.18 ГК РФ) и в нарушение статьям 14 и 28 Конституция РФ ставит религиозные группы граждан в дискриминационное, неравное перед законом положение [4, с. 23-24]. Кроме того, частью 1 статьи 9 и последующими Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», определяющим порядок создания религиозных организаций устанавливается зависимость в возможности граждан реализовать своё право на образование религиозной организации (с правами юридического лица) от того, какую религию они исповедуют, что является грубым нарушением статьи 19 Конституции РФ, запрещающей любые правовые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности. К фактам, свидетельствующим против положения о 15-и летнем сроке, можно отнести сведения о неэффективности решения стоящих перед ним задач на практике.

Так, «нетрадиционные» религиозные объединения, посягающие на права человека, к которым обычно относят мормонов, богородичников, бахаистов, уже получили государственную регистрацию в Министерстве юстиции РФ и беспрепятственно продолжают свою деятельность [3, с. 47]. Безусловно, данный факт свидетельствует о потребности в доработке механизма реализации соответствующих норм и необходимости более детального исследования проблемы совершения правонарушений отдельными категориями и религиозных объединений в целом.

Для решения проблемы обратимся к причинам, которые побудили законодателя, установив организационно-правовую форму религиозной группы, ввести ограничения, охватывающие деятельность некоторых религиозных обществ. Целью ввода указанных «ограничений» изначально было пресечение деятельности религиозных объединений, сопряжённой с посягательствами на права и свободы человека. К таким религиозным объединениям, в основном, относятся нетрадиционные религиозные культы, получившие широкое распространение в 70-80-е годы. Пик их активности в России пришелся на 1991-1993 годы. Среди причин, вызвавших это явление, можно выделить следующие: девальвация моральных ценностей, считавшихся непререкаемыми в советском обществе, переориентирование экономической системы общества на рыночные отношения, что полностью совпадало с установками нетрадиционных культов, разрушение политической системы, которое привело к образованию идеологического вакуума, отсутствие нормативных актов, регулирующих деятельность представителей иностранных религиозных организаций на территории нашей страны [7, с.11].

Чтобы дать правовую оценку деятельности нетрадиционных культов, необходимо рассмотреть отношения в этой сфере с точки зрения их содержания не только в контексте права, но и религиоведения, так как в поле зрения права находится только внешняя формальная составляющая данного явления. Современной социологии религии известны четыре основных типа религиозных объединений, безусловно, не отражающих всего многообразия религиозно-организационных отношений: церковь, секта, деноминация, культ [5, с. 467]. Церковь обладает наиболее широкой социальной базой, принадлежность к ней определяется традицией, существующей на территории данного региона, и выражается в совершении над человеком уже в его раннем возрасте обряда или таинства, которые символизируют принадлежность к этой религиозной общности. В последующей жизни деятельность человека может подтверждать принадлежность к церкви либо, наоборот, противоречить религиозным нормам. Церковь включена в общественную жизнь, сотрудничает с нерелигиозными организациями, как правило, лояльна к государству. Обязанности, возлагаемые на участников, не ограничивают их гражданскую жизнь, вместе с тем, она стремится к вовлечению в свои ряды наибольшего количества членов общества. Членами секты становятся не по рождению, а по своей воле. В неё принимаются в зависимости от соответствия определённым критериям, необходимым для вступления. Секта противопоставляет себя обществу, выступает против других религий, государственных органов и

негосударственных организаций. Членство в секте строго фиксируется. Членство основано на глубоком чувстве преданности, которое простирается также на гражданскую жизнь, что делает невозможным исполнение многих или некоторых гражданских обязанностей. Для неё свойственно руководство харизматического типа, её лидеры не являются профессионалами. Со временем некоторые секты трансформируются в деноминации [6, 226-228]. Источником членства в деноминации служит обращение в веру детей членов общины и лишь в некоторой мере обращение новых взрослых людей. Отсутствует жестокое противопоставление религиозной общины всему светскому обществу и другим религиям, но в то же время они не могут претендовать на универсализм, то есть тесную связь с широкими слоями общества. Члены деноминации практически не лишаются возможности быть участниками общественной жизни и могут беспрепятственно выполнять гражданские обязанности. Деноминационализм представляет собой типичное явление для американского общества, где широко распространены раздробленные протестантские религиозные течения [2, с. 143-144].

Известен также и другой самостоятельный тип религиозного феномена – культ. Такое образование можно рассматривать как объединение людей, имеющих общий взгляд на какой-то узко-партикулярный, причём не обязательно чисто религиозный, аспект действительности (эзотерическая вера, спиритуализм, трансцендентальная медицина, увлечение НЛО, астрология), объединённых в духовном отношении, помимо организационных связей. Руководство осуществляется харизматическим лидером. Отличительный признак культа - требование полного разрыва с существующими религиозными традициями. В этом смысле культ выступает как «современная» религия, появление которой лишает ценности и смысла традиционное выражение веры. Отсюда агрессивность в пропаганде учения и в отношениях с другими религиями, а также государством и светскими учреждениями. Соблюдение гражданских обязанностей членами возможно лишь в той мере, в какой это необходимо для существования культа.

Каждому культу свойственна определённая модель решения проблем личности и общества, выраженных в наличии соответствующих концепций, социально-политических доктрин, программ и проектов, а поэтому они обладают различным отношением к социальной действительности и неодинаковой направленностью своей деятельности. Экстремистские культы, которым присущи острые эсхатологические и апокалиптические настроения, склонны к пропаганде и провоцированию обвально-катастрофических изменений общества и образа жизни личности (Богородичный центр, Белое братство). Трансформационные религии выдвигают на первый план программы трансформации полного противоречий и конфликтов современного общества в совершенное и гармоничное человеческое общежитие при одновременном радикальном изменении личности (Общество трансцендентальной медитации, религиозно-этическое движение Агнийога). Учения маргинальных нетрадиционных культов предусматривают широкие и глубокие изменения общества, исходя из решения частных социальных проблем, которым придаётся

первостепенное значение. Установки адаптивных культов направлены на утилитарно-прагматическое приспособление к социальной действительности. При этом проблемы и противоречия, свойственные общественному строю, игнорируются, и вопрос ставится лишь о наилучшей адаптации человека к социальным и природным условиям посредством реализации нетрадиционных мифологических представлений (Церковь сайентологии). К ним относятся медитационные движения, психотерапевтические центры, врачевательские культы. К той же разновидности культа относится и Церковь сатаны, провозгласившая принцип аморального прагматизма и утверждающая идею о том, что успех может быть гарантирован только адаптацией человека к культу бескомпромиссной власти, жестокости и насилия. Среди культов выделяются и такие, которые трудно назвать религиями в полном смысле слова, поскольку они ставят перед собой далеко не религиозные цели. Многие направления деятельности культов влекут нарушения прав и свобод человека, посягательства на безопасность личности, общества и государства [1, с. 23-36].

Среди признаков, свидетельствующих об их деятельности за гранями «правового поля», можно отнести следующие.

Цель деятельности большей части культов состоит в извлечении *прибыли* путём продажи литературы, лекций, магнитофонных записей, *эксплуатации бесплатного труда* адептов, *вложения пожертвованных имущества и денег в различные сферы промышленности и торговли*, поэтому такая деятельность может быть квалифицирована как *предпринимательская*. Религия выступает как *средство извлечения прибыли*, что находится в прямом противоречии пункту 1 статьи 6 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которой целью деятельности любого религиозного объединения может быть только совместное исповедание и распространение веры. С учётом возрастающих в такой ситуации экономических и технических возможностей религиозной организации многократно увеличивается вероятность массовых нарушений прав человека.

Средством для достижения подменённой цели служит трансформация сознания адептов с помощью использования специфических средств воздействия («программирование», «освобождение от рефлектирующего сознания», «кодирование», «зомбирование»), которые включают в себя многократное чтение мантр, медитацию, применение гипноза, лекарственных средств, наркотиков и нервно-паралитического газа в слабой концентрации, усиливающих медитативное состояние. Культи, действующие в России, характеризуются необычайно агрессивными методами воздействия на личность, цель которых состоит в подавлении критического чувства и мыслительных способностей человека, физической и духовной изоляции членов общины от внешнего мира. Здесь имеет место не убеждение, а *принуждение* к определённым отношениям к действительности и к определённым действиям, а значит, и принуждение к отказу от своих сложившихся убеждений. Последнее противоречит пункту 2 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его

свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору, и пункту 3 статьи 29 Конституции РФ, согласно которой никто не может быть принуждён к отказу от своих убеждений. Пункт 5 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» гласит, что никто не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Нельзя исключать случаи добровольного применения по отношению к члену религиозной общины психического или физического воздействия или добровольного совершения им юридически значимых действий по использованию своих способностей или распоряжению своим имуществом, однако об этом можно говорить только в случае его достаточной информированности о последствиях своих действий и воздействия на своё здоровье.

В результате обработки сознания и подавления воли последователей руководство культа получает широкие возможности для использования их бесплатного принудительного труда, способностей и имущества на обозначенные ими цели под *страхом применения санкций*. Однако такое положение противоречит законодательству и международно-правовым актам. Согласно пунктам 2 и 3 статьи 8 Международного пакта о гражданских и политических правах и пунктам 2 и 3 статьи 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии. Конституция РФ объявляет труд свободным, подтверждает право каждого на свободное распоряжение своими способностями к труду и запрещает принудительный труд. В пункте 1 статьи 2 Конвенции Международной организации труда принудительным или обязательным трудом признаётся всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг. Именно отсутствие *добровольного* характера услуг в религиозных культах позволяет говорить о нарушениях прав человека.

Передача последователями имущества в пользу религиозного объединения или его отдельных лидеров в условиях применения специальных средств воздействия на их сознание также не может быть квалифицирована как добровольная передача, поэтому она противоречит пункту 3 статьи 35 Конституции РФ, в соответствии с которой никто не может быть лишён своего имущества иначе как по решению суда.

Как правило, в рассматриваемых религиозных общинах время планируется так, чтобы ни один последователь, ни на минуту не оставался наедине с самим собой. Руководители общин стремятся поставить под контроль все переживания, раздумья, интересы членов общины, назойливо вмешиваются в их интимные отношения. Однако установление *тотального* контроля над личностью, её частной и семейной жизни со стороны религиозной общины также является незаконным. Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах прямо запрещает такое вмешательство, устанавливая, что

никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в личную или семейную жизнь человека.

Таким образом, перечисленные выше правонарушения, совершаемые религиозными объединениями, многие из которых являются культами, заключаются в разрушении личности и её общественных связей, а следовательно, в прямом пагубном воздействии на общество в целом путём исключения из общественно-полезной деятельности индивидов и формирования у них чужой социально-культурной идентичности [8, с.38-39].

По мнению авторов работы, если такие нарушения, будучи обусловлены самим характером религиозного учения, закономерностями процессов деятельности таких религиозных общин, являются неотъемлемым элементом системы конкретного культа и религиозной организации, то они должны быть не предметом реагирования правоприменительных органов на каждое правонарушение в отдельности, а *предотвращаемы* посредством правового регулирования.

Поэтапность приобретения прав юридического лица религиозными группами, не имеющими подтверждения о существовании на территории России в течение 15-летнего срока, установленная Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях», является лишь одним из возможных вариантов *профилактики* правонарушений в сфере прав человека. При этом данная мера *не нарушает права* исповедовать религию вообще либо исповедовать конкретную религию, поскольку в частном порядке граждане по-прежнему могут исповедовать и распространять любые религиозные убеждения.

Литература

1. Балагушкин Е.Г. Есть ли место нетрадиционным религиям в системе религиозного плюрализма? // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 2001. № 5. С. 23-26.
2. Гараджа В.И. Социология религии. М., 2002. С. 143-144.
3. Григорьева Л.И. Некоторые проблемы реализации нового законодательства о свободе совести. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 1999. № 4. С.47.
4. Дозорцев П. Конституционно-правовые основы свободы совести в России // Российская юстиция. 1999. № 2. С.23-24.
5. Смелзер Н. Социология. М., 1995. С. 467-470.
6. Трельч Э. Церковь и секта // Религия и общество. М., 1996. С.226-228.
7. Трофимчук Н.А. Нетрадиционные культы в России: особенности вероучения, социальная база и проблемы взаимоотношения с государством // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1997. №5 С.11
8. Филимонов Э.Г. Нетрадиционные культы тоталитарной направленности как фактор угрозы безопасности личности и общества // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1999. № 5. С. 38-39.